

Женщина средних лет, с глазами, полными слёз, с благодарностью сказала:

— Ты однокурсник Юаньчжи, верно? Здравствуй, я его мама, можешь называть меня тётей Бай.

— Мама? — Голос Лу Юаньчжи был хриплым, тихим, но в нём слышалась бездна сарказма. — Госпожа Бай Ифан, я знаю, что у вас узкий кругозор и недостаток знаний, но должен напомнить, что вы не имеете ко мне ни кровного, ни юридического отношения. Ваше самоназвание лишь демонстрирует вашу невежественность и амбиции.

Лицо Бай Ифан стало таким же белым, как её фамилия. Её большие глаза наполнились слезами, но она изо всех сил старалась не дать им упасть.

— Простите, — робко извинилась Бай Ифан перед Лу Юаньчжи.

— Лу Юаньчжи! — Громкий крик заставил слёзы Бай Ифан хлынуть потоком.

Разгневанный Лу Чжэньнин, с глазами, похожими на блюдца, и голосом, способным обрушить потолок, закричал:

— Что ты делаешь! Ты пугаешь ребёнка!

Слёзы струились по лицу Бай Ифан, и она тут же направила свой гнев на Лу Чжэньнина:

— Это больница, ты не мог бы вести себя тише? Ребёнок болен, что ты себе позволяешь!

Лу Чжэньнин, высокий мужчина под метр восемьдесят, был отчитан своей миниатюрной женой, едва достигающей полутора метров. Он опустил голову и извинился:

— Не сердись, это я виноват, я слишком громко говорил.

Пока он извинялся перед женой, его глаза, похожие на медные тарелки, сверлили Лу Юаньчжи:

— Извинись перед матерью! Она не твоя мать? Если бы она могла родить такого ребёнка, это было бы проклятием на восемь поколений!

Слова Лу Чжэньнина были далёки от изящества, и даже Ши Вэй заметил, как лицо Бай Ифан напряглось, едва не исказив её прекрасные черты.

Лу Юаньчжи, однако, не обратил внимания на её реакцию, а с сарказмом произнёс:

— Ты сам сказал, что она не могла родить такого сына, как я. Почему я должен называть мать воровку?

Лу Чжэньнин, разъярённый, замахнулся, чтобы ударить, но Бай Ифан, которая, казалось, беспокоилась за Лу Юаньчжи, не стала заступаться за него, а лишь продолжала плакать. Её слёзы текли, но не так, как у тех, кто рыдает в истерике, а скорее как будто каждая капля падала прямо в сердце.

Её лицо, чистое и белое, напоминало цветок лотоса, выходящий из воды, не тронутый мирской суетой, вызывая желание оберегать её и защищать от всех бед.

Бай Ифан молчала, изображая обиженную мать, сдерживая слёзы, что только подогревало гнев Лу Чжэньнина.

— Негодяй, извинись перед матерью! — заорал Лу Чжэньнин, и его огромная ладонь уже была готова опуститься на лицо Лу Юаньчжи, но кто-то остановил его.

— Дядя, вы отец Лу Юаньчжи? — робко спросил Ши Вэй. — У Лу Юаньчжи сильная лихорадка, больше сорока градусов. Не могли бы вы не пугать и не бить его сразу после пробуждения?

Ши Вэй выглядел несколько смущённым, но его голос был достаточно громким:

— Дядя, врачи сказали, что у Лу Юаньчжи уже несколько дней высокая температура. Почему вы не отвезли его к врачу раньше? Если бы это продолжалось, он мог бы серьёзно пострадать. Вы знаете, насколько опасно было его состояние? Он шёл и вдруг упал. Хорошо, что это произошло в школе, а не на улице, где могла бы проехать машина.

Волосы и одежда Ши Вэя были слегка растрёпаны, хоть и чистыми, но с множеством заплаток, что явно указывало на его бедное происхождение. Ребёнок не был его, и в коридоре было много людей, поэтому Лу Чжэньнин не мог его ударить.

К тому же, услышав, как Ши Вэй описывает состояние Лу Юаньчжи, он почувствовал себя виноватым, хотя прямых обвинений в его словах не было, но подтекст явно указывал на то, что семья слишком пренебрегала им.

В коридоре было много людей: пациенты, родственники. Бай Ифан, когда пришла, принесла с собой множество вещей и плакала. Её плач не вызывал раздражения, ведь в больнице люди и так находятся в стрессе, и слёзы воспринимаются с пониманием.

Но когда все увидели эту маленькую, красивую и печальную женщину, они прониклись к ней сочувствием.

Кто-то из присутствующих, услышав её плач, вспомнил свои собственные горести, и все замолчали.

Люди любят наблюдать за чужими драмами, и с тех пор, как Лу Юаньчжи проснулся и начал ссору с Бай Ифан, информация, которую они слышали, была весьма насыщенной: мачеха, лучшая подруга — всё это заставляло людей обмениваться многозначительными взглядами.

Мачехи всегда были непростой ролью, как бы они ни старались, их всегда осуждали. Но и детям тоже нелегко: если они слишком дерзки, их обвиняют в том, что они усложняют жизнь мачехе, а если слишком покорны, то страдают от жестокости мачехи.

Люди любят смотреть на чужие разборки, но редко вмешиваются, не разобравшись в ситуации. Поэтому, хотя в коридоре становилось всё больше народу, никто не решился вступить.

— Папа, это я виновата, — Бай Ифан, увидев, что ситуация развивается не в её пользу, быстро изменила тактику, вытирая слёзы и подходя к Лу Чжэньнину. — Я недостаточно заботилась о Юаньчжи, я плохая мать. Не ругай его, он имеет право на меня злиться.

Её голос был полон печали, а слёзы, не до конца вытертые, делали её ещё более трогательной и прекрасной.

— Тётя, вам нужно больше заботиться о Юаньчжи. Его одежда порвана, а в общежитии он спит без матраса, прямо на досках, — Ши Вэй не стал обвинять Бай Ифан, но в нескольких словах описал «положение» Лу Юаньчжи.

Ши Вэй говорил правду: одежду Лу Юаньчжи никто не латал, потому что он просто выбрасывал её, когда она рвалась, и надевал новую. Матраса у него действительно не было, но постельное бельё было из шёлка, и летом на нём было прохладно и комфортно.

Ши Вэй умолчал о некоторых деталях, но после его слов Лу Юаньчжи предстал в глазах окружающих несчастным ребёнком, страдающим от жестокости мачехи.

Особенно, когда все увидели его бледное, худое тело с рубцами на руках.

Лу Юаньчжи посмотрел на Ши Вэй, но не стал опровергать его слова, лишь молча опустил голову.

Он не любил такие ссоры. Он и Бай Ифан были заклятыми врагами уже более десяти лет, и ни один из них не мог терпеть другого.

Лу Юаньчжи никогда не скрывал своей ненависти к Бай Ифан. Если бы она не была женщиной, он бы уже давно избил её, не раздумывая.

Но, к сожалению, она была женщиной.

— Я... — слёзы снова наполнили глаза Бай Ифан, её длинные ресницы, смоченные слезами, стали ещё более выразительными, скрывая её истинные эмоции. — Прости, Юаньчжи, я не знала, что ты так упрям и готов терпеть такие лишения, лишь бы не вернуться домой.

Слова Бай Ифан были мастерски подобраны: она переложила всю вину на самого Лу Юаньчжи. В этом возрасте многие подростки считают себя умнее других и часто ссорятся с родителями. В отсталых регионах у детей может не быть возможности для таких капризов, но даже там подростки часто конфликтуют с семьёй.

В развитых местах, таких как Яньцзин, это происходит ещё чаще. В семьях с такими детьми родители постоянно сталкиваются с проблемами.

Но в конце концов, всё сводилось к внешности Бай Ифан. Она была миниатюрной, а Лу Юаньчжи, хотя и сидел, но выглядел высоким. Сын унаследовал рост от отца, а Лу Чжэньнин был высоким мужчиной.

Скорректированы повторы местоимений. Упорядочены реплики с разделением пустыми строками между разными говорящими. Исправлены орфографические ошибки ("шёлк" → "шёлк"). Унифицировано написание диалоговых тире и оформление внутренних ремарок. Приведены в соответствие числовые обозначения ("40" → "сорок").

<http://bllate.org/book/16388/1484013>